

Сравнивая процент занятости несовершеннолетних рабочих Урала с общероссийским, составляющим 14%, можно сделать вывод, что на Урале труд молодых рабочих применялся в больших масштабах.

Сохранилось немало сведений о тяжелых условиях труда подростков на предприятиях Урала, отсутствовала охрана труда молодежи. Многие подростки становились жертвами несчастных случаев, страдали профессиональными болезнями. По данным протоколов полицейских урядников в 1913 г. на уральских казенных заводах из 104 несчастных случаев 32 произошли с подростками в возрасте до 10 лет, а в 1914 г. соответственно 20 из 45, горные начальники объясняли причины несчастных случаев приемом на работу малолетних. Тяжелые условия труда не могли не влиять на их здоровье. В апреле 1914 г. медицинская комиссия осмотрела рабочих полировочного цеха Златоустовского завода. Из 65 рабочих, возраст которых не превышал 17–20 лет, только 20 были здоровыми, остальные страдали различными профессиональными заболеваниями.

Заработная плата подростков была вдвое и даже втрое меньше, чем у взрослых. В 1916 г. заработок подростка в России составлял половину (41,3%), а подростка – девочки – одну треть (28,9%) заработной платы взрослых рабочих.

По данным Екатеринбургской городской биржи труда, месячная заработная плата чернорабочего-подростка составляла в январе 1917 г. 19 руб., подростка-девочки – 5 руб. 50 коп., в то время как чернорабочий-мужчина получал 75 руб.

Анализ социально-экономического положения молодежи позволяет выделить ряд причин ее революционной активности и, прежде всего раннее вовлечение ее в производство, капиталистическая эксплуатация, тяжелые условия труда и политическое бесправие.

А. Л. Шолохова

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КРЕСТЬЯН УРАЛА В 20-Е ГГ.

В нравственных исканиях современного человека, его стремлении найти свое место в мире, осознать и объяснить свои достоинства и несовершенства, постоянно присутствуют и как своеобразная точка отсчета, и как основа для сравнений люди предшествующих поколений. Чаще всего художник, а не историк открывает нашему современнику духовный мир этих людей, их мечты и страсти, поиски и сомнения.

Хотя уже давно признано, что важнейшей силой исторического процесса являются социально-психологические факторы – настроения, чувства, страсти, взгляды, представления т.п. Еще Гегель отмечал, что «ничто великое в мире не совершалось без страсти» Позже эту идею поддерживали представители нового направления в исторической науке – школы «Анналов»: основное содержание истории – повседневность то, что и составляет жизнь человека.

Обновление, возрождение России предполагает радикальные изменения в сознании, мировосприятии нашего народа. Трудности в решении этих проблем не в последнюю очередь связаны со слабой изученностью многих аспектов современной массовой психологии – таких как общественные нравы и настроения, массовые формы поведения, национальные черты и стереотипы.

Обращение к социально-психологическим аспектам исторического процесса будет способствовать и более фундаментальному пониманию особенностей развития страны после 1917 г., причин его особой противоречивости и трагичности.

Актуальность темы связана и с появлением в современной науке экономического подхода к истории. Неслучайно, в поисках ответа о причинах неудач экономического реформирования современной России, историки обращают свое внимание к изучению социальной психологии населения страны. При этом все настойчивее обращаясь к истокам формирования менталитета советского человека, к периоду после революции, 1920-м гг.

В исторической литературе мы встречаем различные представления о социальной психологии крестьянства, в том числе и уральского, в 1920-е гг. Одни исследователи говорят о крестьянстве как «склонном к политическим колебаниям и метаниям, не имевшем твердого и ясного мировоззрения» населении. Другие отмечают такие качества крестьянина как деловую активность. Третьи, пытаются изобразить крестьянство как неподвижную, инертную «невесту», которую большевики «умыкнули». Делая акцент на патриархальный монархизм и политическую индифферентность крестьян.

Разнообразие оценок во многом вызвано сложностью психологии крестьянства, характерной чертой которой стало сочетание моментов стабильности, преемственности и перемен, изменений. Преобразования, происходившие в крестьянской психологии в начале XX века, определялись целым комплексом факторов, среди которых можно назвать: влияние исторического опыта революции, гражданской войны и новых общественно-политических реалий, а также целенаправленное идеологическое воздействие со стороны государства.

Все эти оценки высказывались относительно крестьянства страны в целом, мы же рассмотрим социальную психологию уральских сельчан, на примере анализа эволюции их социальных воззрений.

В системе традиционного сознания главнейшим элементом являлись социальные воззрения это взгляды на общественные различия, богатство и бедность. Они являются основополагающей составной частью «картины мира», которая в решающей мере определяет восприятие социальных явлений, отношение к тем или иным конкретным вопросам.

Первостепенное воздействие на всю систему социальных воззрений крестьянства оказали взгляды на труд. Они определяли отношение к тем или иным людям и социальным явлениям. Издавно крестьянин с уважением относился к труду, отвергая иждивенчество, лодырничество. В крестьянских письмах народная лексика насыщена определениями не умеющего работать человека, носящих в себе ярко отрицательный смысл: «кулажник», «чужеед», «неработь».

Считалось, что честный человек – «это прежде всего человек трудолюбивый». Такого человека в деревне чтили и уважали. «Мой отец всю зиму в лесу работает, потому что он клак – он труженик... в деревне нас чтили» – вспоминает крестьянка Анастасия Яковлевна. А потому, пытаясь найти опору в крестьянстве, правительство в 20-е гг. выдвигает положение о «старательном крестьянине, как центральной фигуре нашего подъема».

Взгляды крестьян на труд, представления о «труждащемся» и «нетруждащемся» во многом определили социальную напряженность во взаимоотношениях между городом и деревней, с особой остротой проявившуюся в 20-е гг.

В письмах крестьян часто можно встретить подобные суждения: «Нельзя отличить рабочий класс при советской власти от дворян – при самодержавии. Как дворянин раньше мог попасть во все учебные заведения, так и рабочий класс сейчас, – ему двери открыты».

Крестьяне считали, что роскошная жизнь города была замешана на деревенском поте, на том, что постоянно обиралось село. Восьмичасовой рабочий день, высокая оплата труда, отсутствие налогового гнета, близость учреждений культуры воспринимались крестьянами как закономерный результат дискриминации деревни.

Такие взгляды были характерны и для зажиточного мужика, и для бедняка, и для сельского коммуниста, и для старика – «консерватора», и для молодого активиста. В крестьянской среде сформировался своеобразный стереотип, названный И. С. Кузнецовым «ревностью к городу», выражающий глубинные черты самосознания данной социальной общности.

Пытаясь найти выход из определенного психологического дискомфорта, связанного с подобной несправедливостью в крестьянском сознании постепенно доминирующее положение начинают занимать уравнилельные идеи.

«Чем так жить – пишет в 1926 г. один из читателей Крестьянской газеты, – лучше устроить социализм. Я бы пожертвовал свое состояние с условием, чтобы быть обеспеченному жалованием и правами среднего служащего». Уже в следующем году читатель безапелляционно заявляет как о мнении всех слоев деревни: «Крестьянин согласится, так возьмите всю землю в казну и платите как рабочему, а крестьянин будет обрабатывать. И вы берите себе хлеб, и мы будем покупать. И все равны будем как рабочий, так и крестьянин».

Представления крестьян о том, что долгий и качественный труд будет залогом хорошей, богатой жизни повлияли и на отношение сельского населения к грамотности.

Исследователи данного вопроса отмечают, что основная масса сельского населения, в частности, пожилая категория, отрицательно относилась к учебе молодых, которая отрывала их от сельскохозяйственных работ. «Отцы были неграмотны, а хлеб ели», «мы люди рабочие, некогда заниматься этим бездельем».

Что касается чисто Уральского крестьянства, то и здесь наблюдалось такое отношение, но не всегда и не у всего населения. Дело в том, что негативная реакция крестьян на образование была, но проявлялась она зачастую только в тех случаях, когда государство в своих действиях прибегало к административно-командным методам, или в деле образования на местах допускались грубые, не логичные и не последовательные ошибки.

В основном же, уральское сельское население в целом, положительно и с пониманием относилось к образованию и просвещению.

В газетах 20-х гг. часто печатаются результаты культпохода: Воскресенский район, Челябинского округа. Вместо 50 чел., которых нужно обучить грамоте по разверстке взялся обучить 200. Такого рода данных достаточно много, что говорит о заинтересованности крестьян в образовании. Повышая свой образовательный уровень, крестьяне реализовали свое желание соответствовать городу, идти в ногу со временем. В отчете о поступлении крестьянских письмах в газету заведующий отделом крестьянских писем П. Бажов отмечает тягу к просвещению: кроме многочисленных запросов о книгах и порядке поступления в

разные школы и на курсы, поступает много запросов со специальной целью уяснить себе непонятное.

Таким образом, можно отметить, что уральское крестьянство в 20-е годы проявило необыкновенный интерес к образованию. Характерная для всего крестьянства страны «ревность к городу» относилась и к сельскому населению Урала, но здесь была небольшая отличительная особенность – способность к компромиссу, и даже желание преодолеть свою отсталость, во всем следовать городу.

Характерной чертой послереволюционного российского общества стала ее поляризация на различные социальные группы, новые и непонятные для крестьянства. В этих условиях на повестке дня встал вопрос о критериях такого расчленения. И, надо сказать, в крестьянской среде он вызвал бурю эмоций, споры на сходах, шквал запросов в газету. Данное явление сильно затронуло и уральское крестьянство.

Трудовая этика в существенной мере определяла его отношение к социальным различиям в деревне, к бедности и богатству, неимущим и зажиточным слоям сельского населения.

На Урале распространенным являлся такой социально-психологический стереотип: «бедняками были те, кто не хотел работать, а богатые, которых все прижимали, это были самые настоящие труженики, которые трудились неполокладая рук...»

Этот стереотип выражал и убеждение крестьян, что настоящий труженик никогда не впадет в бедность. Хотя реальная жизнь порой опровергала это убеждение, вызывая сомнения в сознании крестьянства на справедливость нынешнего социального устройства: «Трудовики – середняки и бедняки смотрят на лодыря, да и задумываются. Говорят так: вот мы работаем в поту труда и нам хуже живется, а вот нашим лодырям жизнь лучше всех. Они в поле не работают, спин не гнут, сельхозналог не платят и первые в почете». Реальная жизнь вызывала протест, который приобрел своеобразную форму выражения: крестьяне все больше начинают обращаться с запросами в газету, высшие центральные органы.

Интересным представляется вопрос, что из себя представлял социально – психологический стереотип бедноты. Так как под общим понятием «беднота» нередко скрывались весьма различные социальные типы, имевшие мало общего и в своих психологических установках. Анализ писем в Крестьянскую газету показывает, что имелось определенное разграничение понятий бедняк и лодырь «Трудовику – бедняку желательно выделить лодыря из своих рядов... так как он себя называет тоже бедняком, а бедность его застигла именно от лодырничества и лени».

В специальной социологической литературе такую категорию населения называют «маргиналы». Под маргиналами понимают личностей и группы, находящиеся на окраинах или за рамками характерных для данного общества основных структурных подразделений или господствующих социокультурных норм и традиций. Маргинализация может быть источником неврозов, деморализации, индивидуальных или групповых форм протеста и вместе с тем импульсом социальных перемен.

Не менее острым является вопрос о критериях отнесения того или иного хозяйства к «кулакам».

3 января 1925 г. Калинин заявил, что понятие «кулак» не имеет ничего общего «с материальным состоянием» крестьянина. Так называемый кулак «материально, вероятно, расходует гораздо меньше среднего рабочего... Он живет, во всяком случае, хуже наших представителей в деревне... а работает больше, и все-таки его зовут кулаком». В массовом сознании крестьян понятие «кулак» нередко приобретало в большей мере моральное содержание: под кулаком традиционно подразумевался стяжатель, жадный и жестокий мироед, закабаливавший односельчан.

В тех случаях, когда понятие «кулак» сопрягалось с материальным положением, оно не всегда приобретало отрицательное значение. «По деревенскому рассудку, – пишет крестьянин А. Чумаков в газету, – крестьянин – середняк, не имеющий наемных рук ведет рост своего хозяйства личным трудом ... он попадает в кулацкую и зажиточную жизнь».

Политика, когда человек, активный труженик, расширяющий свое хозяйство являлся объектом поноукательства со стороны власти вызывала непонимание. «...Говорит Советская власть развить как можно хозяйство. Ну вот и развили свое хозяйство себе на шею и лишили голосов... Лучше не разводить себе хозяйства, только не быть лишенным голоса. Это нам позор». Пытаясь найти выход из сложившегося психологического дискомфорта крестьянин приходит к принятию уравнилельных идей. Что сделало возможным переориентацию, в будущем, крестьянского хозяйства на коллективных началах.

Массовое крестьянской сознание в данный период несло определенный отпечаток умеренного уравнилельства. При этом эгалитарные устремления были ориентированы главным образом за пределы деревни. Объектом «ревности» выступали «господа», «буржуи», горожане (особенно интеллигенция, служащие).

Трудовая этика, взгляды на бедность и богатство, – все эти компоненты социальной психологии крестьян относятся к так называемым «глубинным ментальностям», сформированным всем образом жизни и вековыми традициями крестьянства, а потому они менее подвижны для новых реалий жизни, изменяются медленнее, чем например, политические настроения.

Потому, во всех рассмотренных выше сферах сознания сохранились определенные консервативные черты. Причем их влияние нельзя считать негативным, деформирующим, сохранялись многие позитивные черты крестьянской психологии, сформировавшиеся в предшествующую эпоху. Речь идет о влиянии традиционной трудовой этики, неприятии уравнилельных устремлений и пр. Все это несомненно оказало позитивное влияние на дальнейшее развитие деревни.

Исторический опыт рассмотренных процессов представляется весьма актуальным в свете современных задач нашего общественного развития. Так как осуществление реформирования современного российского общества не даст позитивных результатов если не будет учитывать социально-психологические предпосылки развития нашего общества.